

Денис Фонвизин

Каллисфен

Денис Иванович Фонвизин

Каллисфен

«...В совете рассуждаемо было о том, какой судьбе подвергнуть мать, жену и дочь побежденного Дария. Голоса собираемы были с младших. Арбас, юный полководец, который гораздо лучше знал хитрости придворные, нежели военные, чаял при сем случае выслужиться пред государем презрительною лестью, оскорбляя человечество. Он почитал за полезнейшее, умертвив на площади пленниц, показать свету, что быть неприятелем Александру есть уже преступление, достойное смертной казни...»

Денис Иванович Фонвизин

Каллисфен. Греческая повесть

Каллисфен, афинский философ, прогуливаясь некогда в Ликейском саду, встретил наставника и друга своего, Аристотеля, который, с веселым видом обняв его: «Прочти, любезный друг, – сказал ему, – прочти письмо, которое я получил сейчас от Александра, возрадуйся о моем сердечном удовольствии. Среди военного пламени, среди величества славы Александр сохраняет добродетель». Каллисфен в восхищении прочитал сии строки, писанные рукою Александра: «Возлюбленный учитель, будь уверен, что я твердо помню и точно исполняю все твои наставления; но я человек и окружен льстецами: боюсь, чтоб наконец яд лести не проник в душу мою и не отравил добрых моих склонностей. Нет минуты, в которую бы не твердили мне наедине и всенародно, словесно и письменно, что я превыше смертных, что все мои дела божественны, что я предопределен судьбою все-

ленной даровать блажество и что, наконец, всякий, иначе обо мне мыслящий, есть враг отечества и изверг человеческого рода. О мой друг нелицемерный, не смею звать к себе самого тебя; знаю, что обременяющая старость не позволит тебе следовать за мною в военных моих действиях; но сделай мне теперь новое благодеяние: пришли ко мне достойнейшего из всех учеников твоих, который бы имел дух напоминать мне часто твои правила и укорять меня всякий раз, как я отступать от них покушуся».

– Ты видишь, – говорил Аристотель, – ты видишь, чего от меня желает Александр. Тебя, Каллисфен, посылаю на сие важное служение человеческому роду.

– Меня? Меня посылаешь ко двору толь сильного монарха? – сказал Каллисфен. – Но что мне там делать? Ты знаешь, могу ли я превозносить порочные деяния государя и его любимцев! Ты учил меня почитать добродетель, исполнять ее делом и преклонять к ней смертных.

– Точно того от тебя и требую, – говорил Аристотель, – точно для того и Александр те-

бя от меня требует; ты друг Платонов, другомой; поди под защитую героя, моего питомца, возжечь любомудрия свещу во всех пределах света, и когда Александр покоряет себе мир оружием, ты покоряй его законом мудрости.

– Но при дворе царя, коего самовластие ничем не ограничено, – говорил Каллисфен, – может ли истина свободно изъясняться?

– Неужели гонения страшишься? – спросил Аристотель.

– Боги! – возопил Каллисфен. – Вы знаете, с радостию ли исполняю долг моего служения и готов ли я вкусить смерть за истину!

Аристотель, продолжая свою беседу, воспламенял более в душе ученика своего тот восторг, которым сам был одушевлен. Каллисфен немедленно отправился к Александру. Он нашел его в Персии в самый тот час, когда войско его одержало преславную над Дарием победу.

Невозможно изобразить, с какими почестями принят был Каллисфен от юного победителя. Он обнял его как друга, заклинал его говорить правду без малейшего опасения, повелел ему быть с собою безотлучно, и в тот же

самый день Александр, идучи в совет, повел его с собою и тамо дал ему по себе первое место.

В совете рассуждаемо было о том, какой судьбе подвергнуть мать, жену и дочь побежденного Дария. Голоса собираемы были с младших. Арбас, юный полководец, который гораздо лучше знал хитрости придворные, нежели военные, чаял при сем случае выслужиться пред государем презрительною лестью, оскорбляя человечество. Он почитал за полезнейшее, умертвив на площади пленниц, показать свету, что быть неприятелем Александру есть уже преступление, достойное смертной казни. Надменный пышностию и ложным славолубием, Клитомен советовал: при торжестве победы приковать их к колеснице победителя; Аргион, вельможа пренизкой души и презнатной породы, имевший зверское сердце и скотский разум, примыслил: мать Дариеву послать на лютое заточение, жену и дочь отдать в добычу военной черни. Словом, самое меньшее осуждение плененному царскому роду было вечное рабство. Дошло до Каллисфена.

– Государь! – говорил он, – когда сих несчастных, но невинных, привезут к твоему царскому стану, выйди им на стретение, обрати к ним человеколюбное око, пролей в души их отраду кроткою и утешительною беседою – и удиви свет своим великодушием.

Александр, выслушав совет Каллисфена, вскочил с своего места и бросился обнимать его.

– О достойный мой наставник! – говорил ему Александр в восхищении. – Победа возвышает мое имя, а ты возвышаешь мою душу. – История свидетельствует, с каким человеколюбием принял Александр Дариев род.

На другой день был держан еще военный совет в присутствии государя и философа. Войско Александрово завоевало Козрозецкую область, которая управлялась своими владельцами и издревле предана была Персии. В совете рассуждаемо было: что делать с козрозецами, кои всегда могут грекам наводить подозрение своею преданностию к персиянам? Полководцы Александровы, приобыкши к воинским лютостям, положили единогласно, чтоб на всякий случай, из предосторожности,

побить до смерти всех жителей завоеванной области; «понеже-де, – прибавил в своем мнении один из ученых советодателей, – по истреблении сего народа никакого уже вреда мы опасаться от него не можем». Сие мнение предложено было в совете к подписанию Каллисфену.

– Боги! – возопил сей философ, – истребите самого меня, если рука моя сей варварский приговор подпишет!

Столь внезапное восклицание произвело в собрании глубокое молчание. Александр, взяв приговор в руки, задумался и, углубясь в размышление, нечувствительно раздирал он бумагу, содержащую лютую судьбу нескольких тысяч людей невинных; глаза его наполнились слезами; наконец трепещущим голосом, прерываемым вздыханиями нежного человеколюбия, прекратил он общее молчание и едва мог сии слова промолвить Каллисфену:

– Ты друг человеческого рода, ты охранитель моей славы!

В то время Леонад был уже несколько месяцев любимцем Александра; в самое короткое время умел он овладеть совершенно ду-

шою сего монарха; им самим владели страсти, высокомерие и алчность к обогащению. Он не любил никого и никем любим не был, ибо тот, кто любит одного себя, недостойн быть любимым от других. Добра делал мало для того, что не любил видеть людей в удовольствии; если же добро делать ему и случилось, то обыкновенно таким образом, что получивший его благодеяние был бы гораздо больше рад не быть никогда им обязанным. При дворе был он очень силен, – следственно, не было ему и нужды делать подысков; однако ж вредил он другим охотно, потому что в огорчении других сердце его находило удовольствие. Но горе тому, коего погубление могло пособлять его возвышению или, по мнению его, нужно было к сохранению его силы в государе! Сей любимец занемог за несколько часов до прибытия Каллисфена. Наушники, его окружавшие, тотчас возвестили ему, с каким почтением и повиновением внимает Александр советам философа. Леонад так скоро выздоровел, что на третий день прибытия Каллисфенова в состоянии уже был предстать поутру пред лицо монарха.

– Позвольте, – говорил он ему, – поздравить ваше величество с приобретением в друзья ваши философа; я слышал, что вы, по его совету, явили пример великодушия.

– О мой истинный друг, – отвечал ему Александр, – буде хочешь мне доказать свою дружбу, то будь сам другом Каллисфену.

– Если могу, государь! – отвечал Леонад, – но сомневаюсь. Приятно мне, когда подают вашему величеству благие советы, но не могу терпеть, чтоб от премудрейшего в свете государя отъемлема была слава его премудрости.

– Что значат слова твои? – спросил Александр.

– Значат, государь, – сказал Леонад, – что сколь я доволен советами Каллисфена, столь гнушаюсь поведением его при сем самом случае. Вообразите, ваше величество, что вчера ввечеру при двадцати свидетелях, которых я сейчас могу представить, отзывался он о вас как о слабом юноше, которого может он заставить делать все, что ему угодно; но мне известно, государь, ваше собственное проникновение. Вы знаете свойство человека. Каллисфен, может быть, нескромен, но вам советами по-

лезен; пусть свет ему и верит, что без него не умели б вы сами быть великодушны, но...

– Дивлюсь, – перервал Александр в смятении речь его, – как при толикой мудрости Каллисфен может столь ослеплен быть самолюбием, чтоб меня считать ребенком.

– Ваше величество! – говорил любимец, улыбаясь льстивым образом. – Вселенная чувствует, что вы из ребят уже вышли.

– С чего же Каллисфен думает?..

– Не смею сказать, с чего... – перервал он.

– Скажи, скажи, мой друг! – просил усиленно Александр.

– С того, – отвечал Леонад, спустя голос и запинаясь язвительно, – с того... что... я думаю... он... *ученый дурак* .

Леонад знал Александра совершенно; он точно ведал, в которую минуту удобнее чернить у него клеветою и в которую удачнее вредить ругательною насмешкою. Умел он различать тех людей, для очернения которых вдруг и клевета и насмешка потребны ему были. Каллисфен казался ему толь мудрым и толь для него опасным, что почел он за нужное употребить против него оба сии орудия,

недостойные честного человека. Александр так уязвлен был вымышленным отзывом Каллисфена о его слабодушии, что самую брань – *ученый дурак* – почел он внезапно исторгнутою из души Леонада силою самой истины.

– Непонятно, – говорил Александр своему любимцу, – как мало учение прибавляет ума человеку. Со всеми знаниями Каллисфена я ласкаюсь, что он больше ошибся во мне, нежели ты в нем.

– Государь, – отвечал ему Леонад, – мой суд о ком не может быть пристрастен: он не был никогда моим учителем, а и всего менее желаю быть его учеником. Но Каллисфен считает себя вашим наставником и думает, что чем менее отдаст он справедливости вашим дарованиям, тем более всякое ваше похвальное деяние приписано будет его достоинству.

Между тем, Александр велел всех впускать к себе в шатер. Пошел и Каллисфен. Государь взглянул на него с некоторым робким смущением. Сколь ни глубоко выражение *ученый дурак* проникло в душу Александра, но он не мог вдруг забыть, что *ученый дурак* вчера и

третьего дня был умнее целого совета и что он сам *ученого дурака* обнимал с нежными слезами, как мужа, пленившего его сердце мудростью и человеколюбием.

– Государь, – спросил его Каллисфен, – какое смятение объяло твою душу? Твой взор являет неудовольствие, досаду и недоумение!

– Ты правду сказал, – отвечал ему Александр, – я действительно в досаде: мне случилось ошибиться в одном из окружающих меня. Я считал в нем много мудрости, а теперь вижу, что я в его уме сам глупо обманулся.

– Сия ошибка не весьма важна для монарха, – отвечал философ, – от глупого человека можно взять дело и поручить его разумному; но гибельна ошибка бывает для государя тогда, когда клеветника считает он праводушным, когда любит он того, кого все ненавидят, когда вверяется тому, кто наглым и бесстыдным образом государскую доверенность во зло употребляет, когда считает другом того, кто вероломно завладел его душою.

Каллисфен не знал отнюдь ни Леонада, ни клеветы, которою сей очернил его у Александра. Он почел за долг высказать все сие

правоучение тому, кто просил его усиленно говорить правду без опасения. Александр приведен был речью Каллисфена в пущее смятение. Он имел разум и тотчас почувствовал, что ни ученый, ни неученый дурак никогда так не говорит, как изъяснялся Каллисфен. Леонад, заметив сие, вмешался в речь.

– Из какой бишь Аристотелевой книги читаете вы проповедь? – спросил он с насмешкою у Каллисфена.

– Из той, – отвечал ему философ с твердостью и с некоторым родом презиравшей жалости, – из той, которая, как видно, вам не очень нравится.

Сей разговор пресек вошедший в шатер к Александру вестник, который послан был с реки Арбея от повелевающего там частию войска начальника, с уведомлением, что персияне, все свои остальные силы собрав, идут против греков. Тотчас Александр пошел сам навстречу неприятелю. Совершенная над ним новая победа низложила персидскую монархию, но Дарий лишился жизни не в сражении: он умерщвлен был вероломно собственными своими подданными.

Славу победы отравлял разнесшийся скоро слух, что Дарий убит изменнически повеле-нием самого Александра, который так возгну-шался сим недостойным подозрением, что ве-лел сыскать убийцу и казнил его смертью. Сим оправдался он пред светом совершенно. Каллисфен похвалил его поведение.

– Что слышу я? – сказал ему Александр с холодной улыбкою. – Уже и Каллисфен льстить мне начинает; помнится, для настав-лений, а не для похвал прислал тебя Аристо-тель.

– Государь! – отвечал Каллисфен, – между хвалою и лестью есть великая разность. Я те-бя хвалю, но не льщу тебе; долг философии обязывает меня хвалить добрые дела и осуж-дать злые. О боги! если когда-нибудь унизишь ты себя к последним, верь мне, найдутся лю-ди и тогда тебя превозносить, но сии люди бу-дут не философы.

Леонад все сие слушал, распаляясь внут-ренно злобою на Каллисфена; он несколько раз покушался было обратить в смех его нра-воучения, но умел воздержаться. Невзирая на то, что острота ума его была безмерная, чув-

ствовал он, что истина, умным человеком твердо произнесенная, может в один миг сделать смешным самого насмешника. Итак, решился он губить Каллисфена скрытою клеветою и скоро довел государя до того, что один вид философа стал уже ему в тягость.

В сие время Александр предпринял путешествие в Ливию ко храму Юпитера Аммона. За день перед отъездом вышло росписание, кому ехать при лице государя. Он взял с собою весь свой совет, но над именем Каллисфена написано было рукою Александра: «позади в обозе».

Философ нималейше не тронут был сим знаком холодности государя, для того что он ничем его не заслужил; всего же менее оскорблен он был явным к себе презрением придворной черни, которая, прочитав выражение: «позади в обозе», старалась оскорблять всячески Каллисфена, ласкаясь, что такое поведение против впадшего в немилость всевысочайше причтено быть может за все-нижайшее и вернорабское усердие к произволению государя.

Между тем, Александр, в самый день свое-

го отъезда увидев Каллисфена, совестился долго подойти к нему; наконец доброе сердце его превозмогло, и он, воображая, что философ огорчился его холодностию, хотел его успокоить.

– Я боюсь, – говорил ему государь, – отягчить тебя скорым путешествием с собою. Мы в войне обыкли к трудам, кои могли б тебя обременить. Следуй за мною так тихо, как тебе угодно.

– Государь! – отвечал ему Каллисфен, – повинуюсь твоей воле, но будь уверен, что для меня совершенно равно, ехать с тобою или позади, если мое присутствие не более тебе полезно, как мое отсутствие.

Сии слова произнес Каллисфен с такою кротостию, с таким простосердечием, что сам Александр и все предстоящие никак не могли их приписать негодованию философа, но видели в них одно искреннее его усердие быть полезным государю. Леонад приметил, что Александр вдруг сильно возмутился, и для того нужно ему было рассеять тотчас сие смущение и не допустить сердце государя обратиться на добродетельное чувство. Он подал

знак остающимся военачальникам испрашивать от Александра повеления; а между тем, подвезли колесницу, в которую Леонад нечувствительно посадил государя и увез его гораздо скорее, нежели он уехать думал.

Каллисфен, как ненужный государю человек, отправился, по его повелению, в обозе с ненужными вещами. Скотаз, начальник обоза, был из тех придворных тварей, коих поведение пред знатыми весьма подло, но пред теми, коих он не боялся и в ком не искал, весьма грубо; словом, человек был низкий и глуп до невероятности; верблюды, лошади, ослы составляли существо душевных его чувств. Говоря об них, вдруг приходил он в пресмешной восторг, но ни о чем уже другом слова молвить не умел. С Каллисфеном обошелся он так невежливо, как от Скотаза ожидать токмо можно.

– Зачем, старик, тащишься с нами? – говорил он с презрением философу. – Здесь и без тебя грузно. Я слышал, что ты философ; дай-ка посмотреть на себя. Мы их при конюшне не видывали; я чаю, полно, есть ли они и при дворце.

– Я никого не видал! – отвечал Каллисфен. – Видно, что двор не их жилище.

– У двора, – говорил Скотаз важным голосом, – надобно ум, да и ум не твоему чета. Мы тут сами около тридцати лет шатаемся, но того и смотришь, что в беду попадешь.

– Я не в беде, – говорил Каллисфен.

– Да что ж ты не при лице? – спросил его Скотаз. – Ты хочешь меня уверить, что царских любимцев в обоз отсылают; нет, старик, коль ты отдан на мои руки, так, видно, мода с тебя спала. Ты, я чаю, болтаньем своим досадил многим господам. Я и сам, – примолвил Скотаз, вздыхая, – я и сам за царских ослов страдал не однажды.

В дороге начинал он с философом говорить о лошадях и верблюдах, но, увидя, что философ в сем деле ничего не разумел, возымел он к нему глубочайшее презрение, а потому и учредил с ним свое поведение: из колесницы, в которую сперва посажен был Каллисфен, высадил он его в телегу. Не было пригорка, на который бы не заставил он всходить пешком Каллисфена.

– Если бы случилось тебе везти на гору

Леонада, – говорил ему философ, – ты поступил бы с ним иначе, нежели со мною.

– Вот-на! – отвечал Скотаз. – Да для его высокопревосходительства я сам бы рад припряться.

Наконец, спустя несколько дней по прибытии Александром ко храму Юпитера, доехал туда и философ. Жрецы предупели уже подлюю лестию помрачить рассудок государя. Каллисфен, услышав, что сей Аристотелев ученик почитает себя богом, называет себя Юпитеровым сыном и проповедует странные басни о своем происхождении, вошед в чертог царский, увидел Александра, окруженного воинами, не имеющими о божестве понятия, и придворными, верующими во все то, во что государь приказывает верить. Все они дерзнули утверждать в глаза Каллисфену, что Александр есть бог действительно.

– Государь! – спросил его философ, – правда ли, что ты бог?

– Правда! – отвечал Александр, покраснев и запинаясь.

– Государь! – говорил ему Каллисфен, улыбаясь, – велико твое требование, но не бойся,

чтоб философия обременила тебя тяжким порицанием; она таковым мнениям только лишь смеется; но, став богом, государь, если им стать тебе угодно, помышляй, к чему обяжет тебя сие великое титло. Боги от единых благотворении познаются; за усердие к себе платят они милостями, за обожание покровительством. Иногда мещут они громы, но мещут против воли; паче всего в свете любят они творить блаженство смертных.

Каллисфен уклонился от приношения жертвы ученику друга своего Аристотеля, отозвавшись, что в Ликее не привыкли они находить богов так с собою близко. От нового бога ожидал он нового какого-нибудь преступления, дабы употребить против него всю строгость, каковою философия на исправление смертных ополчается; к несчастью, ожидание его не много продолжалось. Через несколько месяцев мнимый сын Юпитера впал во все гнусные пороки: земной бог спился с кругу, пронзил в безумии копьем сердце друга своего Клита, и однажды после ужина, в угодность пьяной своей наложнице, превратил он в пепел великолепный город.

Слух о сих мерзостных злодеяниях воспалил рвение Каллисфена. Он вбежал в чертоги монарха, не ужасаясь ни величества его, ни множества окружающих его полководцев и сатрапов.

– Александр! – возопил он, – сим ли образом чаешь ты достоин быть алтарей? Ты друга умерщвляешь, тысячи невинных своих подданных предаешь пламени... Чудовище! ты имени человека недостойн!

От сих слов изумление объяло всех предстоявших, но скоро превратилось оно в лютость. Придворные возбуждали паче злобу Александра, который, будучи вне себя от гнева, поручил Леонаду изобрести достойную казнь неслыханному у двора дерзновению Каллисфена.

Леонад имел бесчеловечие немилосердо мучить сего почтенного мужа и вкинуть потом в ужасную тюрьму. Между тем как изыскивали для него род лютейшей казни, болезненное страдание, соединясь с тяжестью оков, извлекло из брэнного тела его великую душу.

По кончине самого Аристотеля найдено в

бумагах его следующее письмо Каллисфеново, писанное за несколько часов пред его смертью. Здесь предлагается оно с отметкою его друга.

Письмо Каллисфена: «Умираю в темнице; благодарю богов, что сподобили меня пострадать за истину. Александр слушал моих советов два дни, в которые спас я жизнь Дариева рода и избавил жителей целой области от конечного истребления. Прости!»

Отметка рукою Аристотеля: «При государе, которого склонности не вовсе развращены, вот что честный человек в два дни сделать может!»